

УДК 343.811

[https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/3\(52\)/106-114](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/3(52)/106-114)**П. В. Тепляшин****ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ПРОБЛЕМНЫЕ ФАКТОРЫ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РИСКИ**

В статье предложено определение феномена пенитенциарного мультикультурализма и рассмотрены проблемные аспекты его проявления в сфере исполнения уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества. Показана качественная корреляция данного феномена с концепцией ретрибутивизма и консеквенциалистской теорией наказания. Сформулировано пять рисков негативных проявлений мультикультурализма для результативности функционирования пенитенциарных учреждений. Основное место занимает риск либеральных законотворческих инициатив в направлении снижения потенциала уголовно-исполнительного противодействия распространению в местах лишения свободы криминальной субкультуры. Приводится зарубежный пенитенциарный опыт обращения с осужденными, имеющими определенные культурологические особенности. Изложен вывод о необходимости формирования конструктивных национальных механизмов решения задач, которые ставит перед отечественной уголовно-исполнительной наукой феномен пенитенциарного мультикультурализма.

Ключевые слова: индивидуальная программа исправления; иностранные граждане; злостное нарушение; культурное своеобразие; поведенческие предпочтения; тюрьма.

Для цитирования: Тепляшин П. В. Пенитенциарный мультикультурализм: проблемные факторы и уголовно-исполнительные риски // Вестник Кузбасского института. 2022. № 3 (52). С. 106–114. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/3\(52\)/106-114](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/3(52)/106-114).

P. V. Teplyashin**PENITENTIARY MULTICULTURALISM: PROBLEMATIC FACTORS AND CRIMINAL EXECUTIVE RISKS**

The article offers a definition of the phenomenon of penitentiary multiculturalism and considers problematic aspects of its manifestation in the sphere of execution of criminal punishments related to the isolation of the convict from society. The qualitative correlation of this phenomenon with the concept of retributivism and consequentialist theory of punishment is shown. Five risks of negative manifestations of multiculturalism for efficiency of penitentiary institutions functioning are formulated. The main place is occupied by the risk of liberal lawmaking initiatives in the direction of reducing the potential of penal and correctional resistance to the spread of criminal subculture in prisons. Foreign penitentiary experience of dealing with convicts with certain cultural peculiarities is cited. The conclusion about the necessity to form constructive national mechanisms to solve the problems which the phenomenon of penitentiary multiculturalism poses to the domestic penitentiary science is given.

© Тепляшин П. В., 2022

© Teplyashin P. V., 2022

Keywords: *individualised programme of correction; foreign nationals; malicious violation; cultural identity; behavioural preferences; prison.*

For citation: Teplyashin P. V. Penitentiary multiculturalism: problematic factors and criminal executive risks. *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]*, 2022, no. 3 (52), p. 106–114. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/3\(52\)/106-114](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/3(52)/106-114).

Современное уголовное правосудие вошло в «холодный» фронт доктринальной и правоприменительной турбулентности, в рамках которой предельно четко ощущается давление, с одной стороны, ретрибутивизма (в том числе в настроениях общества), с другой — либерального консеквенциализма. Образовался своеобразный «коридор» правосудия, в границах которого допустимо формирование (интерпретация), а затем последующая реализация тех или иных антикриминальных идей и концепций, стратегических планов противодействия общественно опасным явлениям и механизмов обращения с преступниками. Указанная методологическая преамбула демонстрирует необходимость «игры по правилам», дисциплинирует исследователя в части обоснования и изложения выводов и предложений, которые отражают существующий мейнстрим уголовного правосудия, поскольку иначе проведенная работа рискует «остаться за бортом» текущей социально-правовой востребованности и практической целесообразности искомых научных разработок.

Учитывая данный методологический посыл, обратимся к проблемам проявления мультикультурализма в сфере исполнения пенальных уголовных наказаний. Однако предварительно следует обозначить тот факт, что под категорией «мультикультурализм» предлагается понимать «многокультурность», а не плюралистическое идеологическое воззрение на либеральное мироощущение и беспринципное отстаивание каких-либо поведенческих предпочтений. Согласимся с позицией авторов, которые предлагают данную категорию определять через «возможности равноправного

сосуществования представителей различных национальных культур, основанного на принципах свободы, терпимости, уважения чести и достоинства личности» [2, с. 237]. Соответственно, под феноменом пенитенциарного мультикультурализма (мультикультурности) допустимо понимать существование среди осужденных этнокультурных различий и неоднородных форм культурного многообразия (разнообразных устойчивых форм человеческой деятельности), обладание ими культурного своеобразия, самостоятельности и полиэтнокультурной идентичности.

Актуальность такой области научных исследований, как пенитенциарный мультикультурализм, объясняется рядом следующих проблемных факторов:

1) Российская Федерация обязуется соблюдать международные акты, закрепляющие стандарты и рекомендации по обращению с иностранными гражданами и лицами без гражданства, усиливать международное сотрудничество в данной области. Так, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее — Концепция) одним из пунктов расширения и укрепления международного сотрудничества (раздел XXI. Развитие международного сотрудничества) выступает «обеспечение реализации комплекса организационно-методических мероприятий по выполнению международно-правовых обязательств Российской Федерации в части соблюдения законности содержания осужденных иностранных граждан». В этой связи отметим следующую криминологическую закономерность. Так, если в 2011 г. правоохранительными органами государства было зарегистрировано

33183 иностранных граждан или лиц без гражданства мужского пола, совершивших преступление, что составило 3,7 % от общего количества всех мужчин, совершивших преступление и попавших под официальный учет, то в 2021 г. — 28591, что составило уже 4,02 % удельного веса. С учетом того обстоятельства, что за данный период времени количество всех лиц мужского пола, привлеченных к уголовной ответственности, сократилось на 166684 человека и составило 682034 преступников (Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/social_portrait), то следует с пристальным вниманием отнестись к отмеченной негативной тенденции. При этом по состоянию на 1 января 2019 г. в отечественных исправительных учреждениях содержалось 6,2 % осужденных иностранных граждан (World Prison Brief. Russian Federation. URL: <https://www.prisonstudies.org/country/russian-federation>);

2) Расширение процессов глобализации приводит к настоящей необходимости повышения точности правовых регуляторов и юридических средств защиты культурных различий лиц, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы и принудительных работ. При этом следует учитывать, что «с масштабно распространяющейся массовой миграцией мультикультурализм из исключительно духовной сферы перешел в плоскость социально-политических отношений» [8, с. 72]. Это оказывает сильнейшее давление на стабильность и результативность функционирования уголовно-исполнительной системы, трансформирует культурологический облик осужденного, осложняя соответствующие задачи персонала исправительных учреждений. В связи с чем нельзя не согласиться с Б. З. Маликовым в том, что «пенитенциарная система для эффективного выполнения своих задач должна быть организована с

учетом изменения контингента осужденных в ИУ России» [3, с. 184];

3) Достаточно высокий уровень сохраняющихся межэтнических и межконфессиональных конфликтов диктует необходимость постоянной оптимизации исправительного воздействия и применения средств исправления к представителям этнических и конфессиональных групп и социальных слоев. При этом достаточно сложно обойти противоречие между, с одной стороны, базовыми ценностями национального большинства и традиционно одобряемыми правилами поведения и, с другой стороны, проявлениями этнокультурных и расовых различий, неоднородных форм культурного многообразия. В этой связи приведем справедливые слова Ф. В. Грушина, который считает, что «духовная жизнь российского общества является сферой формирования нравственного императива, который в качестве некой идеальной модели построения общественных отношений, отражающей совокупность общечеловеческих нравственных принципов, сначала фигурирует в качестве нравственной основы уголовно-исполнительной политики, а затем находит свое отражение в уголовно-исполнительном законодательстве, нормы которого обозначают ценностные ориентиры деятельности субъектов права» [1, с. 240].

Представленные факторы показывают реальную панораму широкого действия проявлений мультикультурализма в пенитенциарной сфере. Думается, что процесс формирования данного феномена склонен рефлексировать в сторону концепции ретрибутивизма, нежели чем консеквенциалистской теории наказания. Соответственно, изучение феномена мультикультурализма в пенитенциарной сфере навивает мысль о его достаточно тесной качественной корреляции с идеями карательности (пьюнитивности). В этой связи значительный научный интерес представляет авторитетное мнение

А. В. Шеслера о том, что «превращение наказания в кару — это... общемировая тенденция в эволюции этого института» [9, с. 133]. Взгляд на эту тенденцию под таким углом обеспечивает получение востребованных для пенитенциарной науки знаний, необходимых для дальнейшего прогрессивного формирования уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Изучение теоретических и практических сторон представленного явления позволяет сформулировать группу рисков для уголовно-исполнительных отношений (уголовно-исполнительных рисков), которые подпадают под предмет тщательного междисциплинарного исследования и обуславливают должное правовое регулирование с целью минимизации вероятности их реализации.

I. Имеет место риск либеральных законотворческих инициатив в направлении снижения потенциала уголовно-исполнительного противодействия распространению в местах лишения свободы криминальной субкультуры (при этом согласимся с мнением С. Г. Родина в том, что одной из «форм дифференцированности культуры выступает субкультура, формирующаяся в криминальных сообществах на основе антиобщественных жизненных целей, реализуемых в криминальной деятельности» [5, с. 287]). В унисон Р. А. Ромашов не без основания указывает, что, «являясь местом концентрации носителей криминальной антикультуры, тюрьма начинает играть роль места “криминального заражения” и репродуктора “криминальной инфекции”, распространяющейся как среди осужденных, так и среди сотрудников УИС» [6, с. 140]. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации одной из своих целей закрепляет предупреждение совершения новых преступлений (ч. 1 ст. 1 УИК РФ), в механизме которого заложена нейтрализация проявлений криминальной идеологии. Например, в соот-

ветствии с ч. 1 ст. 116 УИК РФ мужеложство и лесбиянство является злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы. Данный уголовно-исполнительный запрет выступает одним из препятствий распространения криминальной субкультуры среди осужденных, установления неформальной субординации и иерархической структуры в среде лиц, отбывающих наказание. Однако некоторые проявления мультикультурализма заключаются в одобрении однополых сексуальных взаимоотношений. Более того, Правило 7 (п. «а») Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) закрепляет рекомендацию, согласно которой после поступления в исправительное учреждение осужденного в систему работы с их личными делами заносится информация (точные сведения), позволяющая определить подлинную личность заключенных с уважением их личного восприятия своей половой идентичности. Становится понятным: данная «точная информация» необходима для практической реализации соответствующих поведенческих предпочтений определенной категории осужденных, что идет вразрез с нормами уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Следовательно, на фоне благовидного, придерживающегося гуманитарным идеалам и цивилизационным общепризнанным стандартам, распространения идей мультикультурализма существует опасность коррозии традиционных нормативных ценностей в области противодействия различным криминальным проявлениям «тюремной» субкультуры.

II. Существует вероятное развитие для осужденных-иностранцев ситуации так называемого «двойного исключения», суть которой заключается в том, что данные лица обладают низким уров-

нем мотивации к активной позитивной деятельности и слабо поддаются конструктивному применению средств исправления, что в основном вызвано ожиданием принудительной депортации после освобождения из исправительного учреждения. По мнению Дориена Бросенса (Dorien Brosens), данное явление представляет собой маргинализацию осужденных иностранцев к дополнительным трудностям, с которыми они сталкиваются и борются, а именно: отсутствие контактов с семьей, языковые трудности, тоска и психологические трудности в условиях изоляции, неопределенность ситуации после освобождения [11, р. 392–394]. Можно встретить и иные схожие позиции относительно негативных проявлений мультикультурализма в пенитенциарных учреждениях [14, р. 685–686]. Особенно нельзя обойти вниманием утверждение Эммануэля Галлеза (Emmanuelle Gallez) о том, что процессы интенсивной миграции за последние двадцать пять лет, мультикультурализм и многоязычие стали не просто объективной реальностью, но и во многом нерешаемой проблемой для европейских исправительных учреждений. Неспособность выработать действенные механизмы решения этой проблемы обуславливает социальную изоляцию осужденных, ставит под угрозу их успешное освобождение и социальную реинтеграцию [13, р. 738]. Отмеченные и иные сложности пенитенциарной адаптации иностранного гражданина объективно продуцируют проблемы, связанные с их правовым статусом после освобождения, поскольку не только сопряжены с результатом исправительного воздействия, но и связаны с обеспечением безопасности в сфере миграционных отношений. Соответственно, данная категория осужденных имеет ограниченные шансы на получение вида на жительство и в дальнейшем — гражданства Российской Федерации (даже в условиях достаточно лояльных требований к этому процессу

со стороны Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). Ведь согласно пп. 14 и 15 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере «обеспечения безопасности государства» (п. 15), и она предполагает создание «благоприятного режима для добровольного переселения в Россию лиц (в том числе покинувших ее), которые способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества... рассматривают Россию как страну с благоприятными условиями для удовлетворения своих экономических, социальных и культурных потребностей» (п. 14).

III. Усиление сепарации (как в физическом смысле, так и психологическом аспекте) внутри пенитенциарной среды «мультикультурным соображениям» объективно приводит к усилению напряженности межэтнических отношений между осужденными. В свою очередь это может продуцировать чрезмерную карцеральную геттоизацию отдельных групп осужденных и (или) усиление жесткости соответствующих дисциплинарных взысканий либо даже криминализации (в частности, за прикосновенность к преступлению, предусмотренному ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества») или частичной криминализации (например, по признаку места или мотива совершения преступления) некоторых форм поведения. Ведь либеральным настроениям в отношении нарушителей пенитенциарной безопасности, совершающих противоправные деяния на основе экстремистского либо дискриминирующего мотивов, с высокой долей вероятности при-

дет чувство уязвимости, вызванное неспособностью традиционных профилактических регуляторов такого поведения. Не случайно Н. Г. Щитов уже в 2013 г. изложил следующий тезис: «Если мы обратим внимание на политику наказания в Российской Федерации, то можем предположить, что возникает тенденция ужесточать наказания за так называемые “религиозные преступления”» [10, с. 103].

Особенно симптоматичен и «работоспособен» данный уголовно-исполнительный риск на фоне планирования проекта создания учреждения объединенного типа и реализации пресловутого «клиентоцентричного подхода» к осужденному, что предусмотрено разделом VII Концепции.

IV. Проникновение идей мультикультурализма создает дополнительные основания для внедрения и практической реализации индивидуальных программ обращения с осужденными (индивидуальных программ исправления). Вместе с тем данное направление работы с лицами, отбывающими лишение свободы, в практико-ориентированном аспекте в настоящее время полномасштабно не развивается, но имеют место лишь спорадические теоретические исследования [4], в том числе соответствующего зарубежного опыта [7]. Отсутствует нормативная основа таких программ. Так, в Концепции закрепляется лишь индивидуальная профилактика правонарушений осужденными и индивидуальная программа реабилитации инвалидов-осужденных; в приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» — индивидуальные программы реабилитации

или абилитации инвалида. Следовательно, может возникнуть потребность в авральном порядке разработать и воплотить в правоприменительной деятельности индивидуальную программу обращения с осужденными, имеющими особенности, например, личного предпочтения.

V. Следует признать недостаточную степень компетентности субъектов, исполняющих уголовные наказания, в отношении лиц с культурологическими особенностями, что создает вероятность негативных последствий обращения с осужденными. Ведь в условиях исправительного учреждения всегда существует риск манипулирования инаковостью в утилитарных целях, а этнические обычаи людей из разных уголков мира также охватываются феноменом идентичности, который, кстати, необходимо грамотно отличать от религии и культурных ценностей. Без специальных знаний, навыков и умений конструктивно преодолеть непростые ситуации взаимоотношений между сотрудником исправительного учреждения и осужденным с иным культурным кодом крайне сложно и, как правило, невозможно. Зачастую фактическим последствием такого «взаимоотношения» может быть культурологическая дивергенция, а не конвергенция. Более того, ряд исследователей логично полагают, что соответствующие сотрудники пенитенциарных заведений должны обладать не только специфическими культурными компетенциями, но и личностными predispositionами, умением использовать навыки своих личных отношений и собственного жизненного опыта в подобной работе [12, р. 179–180; 15, р. 49–51].

В этой связи нельзя не обратить внимание на тот показательный факт, что зарубежная практика обращения с данной категорией осужденных вызывает существенные упреки и нарекания. Так, в специально проведенном исследовании Аркадиуш Урбанек (Arkadiusz

Urbanek) достаточно репрезентативен в своем выводе о том, что «с точки зрения культурологической подготовки персонала тюрьмы, данные подтверждают его низкий интерес к благополучию и защите культурной идентичности индивида [осужденного]... Как и в других европейских странах, учет культурных особенностей и признание индивидуальных потребностей [в польской пенитенциарной системе] не является очень популярной тюремной практикой... Поэтому изменение качества наказания требует, прежде всего, ментальных изменений и мультикультурного образования персонала» [16, р. 9]. Отсутствует необходимость подвергать данный опыт критическому низложению, поскольку его характер указывает на значительную сложность поставленной пенитенциарной задачи и неоднозначность соответствующих подходов к ее решению. В

любом случае необходимо придерживаться девиза «per aspera ad astra» и, реализуя разнообразный исследовательский инструментарий, вырабатывать эффективные национальные механизмы решения задач, которые ставит перед отечественной уголовно-исполнительной наукой феномен пенитенциарного мультикультурализма.

Изложенные факторы, актуализирующие феномен пенитенциарного мультикультурализма, и характеристика соответствующих уголовно-исполнительных рисков демонстрируют наличие насущных вопросов, относящихся к перспективам дальнейшего поддержания безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, оптимизации средств исправления осужденных и конструктивному обеспечению прав лиц, содержащихся в исправительных учреждениях.

Литература

1. Грушин, Ф. В. Развитие уголовно-исполнительной политики Российской Федерации с учетом влияния некоторых «западных» ценностей // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. — 2018. — Вып. 4. — С. 235–241.
2. Козлова, Е. В., Кузнецова, С. В., Павлова, Н. А. Сущность понятия «мультикультурализм» // Наука и современность. — 2014. — № 28. — С. 234–239.
3. Маликов, Б. З. Право, преступление и наказание — социальные явления и факторы влияния на культуру общества // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. — Самара, 2014. — С. 180–184.
4. Павленко, Д. А. Индивидуальная исправительная программа: задачи, содержание и общая логика составления // Вестник Могилевского института МВД. — 2021. — № 2. — С. 32–38.
5. Родин, С. Г. Понятие и сущность криминальной субкультуры // Вестник Воронежского института МВД России. — 2019. — № 2. — С. 287–291.
6. Ромашов, Р. А. Обеспечение пенитенциарной безопасности в условиях мультикультурализма // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. — Самара, 2014. — С. 138–140.
7. Сиряков, А. Н. Правовое регулирование и содержание пенитенциарных программ в местах лишения свободы Испании // Уголовно-исполнительное право. — 2021. — Т. 16. — № 1. — С. 81–90.
8. Сковородников, А. В., Сибирякова, С. Н. Понятие мультикультурализма в современном обществе // Язык. Культура. Образование. — 2022. — № 7. — С. 69–74.
9. Шеслер, А. В. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации об уголовных наказаниях // Вестник Кузбасского института. — 2015. — № 3. — С. 129–135.

10. Щитов, Н. Г. Проблема ужесточения наказания за уголовные преступления в США: интерпретация с позиций теории наказания Э. Дюркгейма // Социологические исследования. — 2013. — № 3. — С. 95–104.
11. Brosens, D., De Donder, L., Smetcoren, An-S., Dury, S. Exploring Education Opportunities for Foreign National Prisoners in Europe // Journal of Educational Research. — 2019. — V. 64. — I. 2. — P. 389–407.
12. Flore, C., Brosens, D., Vandevælde, S., De Donder, L. Foreign national prisoners in flanders (Belgium): Motivations and barriers to participation in prison programmes // European Journal on Criminal Policy and Research. — 2018. — V. 25. — P. 171–188.
13. Gallez, E. Foreigners and Refugees Behind Bars: How Flemish Prisons Tackle Linguistic Barriers // The European Legacy. — 2018. — V. 23. — I. 7-8. — P. 738–756.
14. Gibson-Light, M., Seim, J. Punishing Fieldwork: Penal Domination and Prison Ethnography // Journal of Contemporary Ethnography. — 2020. — V. 49. — I. 5. — P. 666–690.
15. Liebling, A., Johnsen, B., Schmidt, B. E., Rokkan, T., Beyens, K., Boone, M., Кох, М., Vanhouche, An-S. Where Two ‘Exceptional’ Prison Cultures Meet: Negotiating Order in a Transnational Prison // British Journal of Criminology. — 2021. — V. 61. — I. 3. — P. 41–60.
16. Urbanek, A. Reactions of Prison Staff to the Needs of Culturally Different Convicts // Social Sciences. — 2021. — V. 10. — I. 1. — P. 1–14.

References

1. Grushin F. V. Razvitiye ugovovno-ispolnitel'noy politiki Rossiyskoy Federatsii s uchetom vliyaniya nekotorykh «zapadnykh» tsennostey [Development of the penitentiary policy of the Russian Federation, taking into account the influence of some “Western” values]. *Vestnik MGLU. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki [MSLU Bulletin. Education and pedagogical sciences]*, 2018, no. 4, p. 235–241.
2. Kozlova Ye. V., Kuznetsova S. V., Pavlova N. A. Sushchnost' ponyatiya «mul'tikul'turalizm» [The essence of the concept of “multi-culturalism”]. *Nauka i sovremennost' [Science and modernity]*, 2014, no. 28, p. 234–239.
3. Malikov B. Z. Pravo, prestupleniye i nakazaniye — sotsial'nyye yavleniya i faktory vliyaniya na kul'turu obshchestva [Law, crime and punishment — social phenomena and factors of influence on the culture of society]. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika [Legal Science and Practice]. Almanac of Scientific Works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. Samara, 2014. P. 180–184.
4. Pavlenko D. A. Individual'naya ispravitel'naya programma: zadachi, sodержaniye i obshchaya logika sostavleniya [Individual correctional program: tasks, content and general logic of compilation]. *Vestnik Mogilevskogo instituta MVD [Bulletin of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs]*, 2021, no. 2, p. 32–38.
5. Rodin S. G. Ponyatiye i sushchnost' kriminal'noy subkul'tury [The concept and essence of the criminal subculture]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2019, no. 2, p. 287–291.
6. Romashov R. A. Obespecheniye penitentsiarnoy bezopasnosti v usloviyakh mul'tikul'turalizma [Ensuring penitentiary security in the context of multiculturalism] In: *Yuridicheskaya nauka i praktika [Legal Science and Practice]. Almanac of Scientific Works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. Samara, 2014. P. 138–140.

7. Siryakov A. N. Pravovoye regulirovaniye i sodержaniye penitentsiarnykh programm v mestakh lisheniya svobody Ispanii [Legal regulation and content of penitentiary programs in places of deprivation of liberty in Spain]. *Ugolovno-ispolnitel'noye pravo [Penal Law]*, 2021, vol. 16, no. 1, p. 81–90.
8. Skovorodnikov A. V., Sibiryakova S. N. Ponyatiye mul'tikul'turalizma v sovremennom obshchestve [The concept of multiculturalism in modern society]. *Yazyk. Kul'tura. Obrazovaniye [Language. Culture. Education]*, 2022, no. 7, p. 69–74.
9. Shesler A. V. Kontsepsiya ugolovno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii ob ugolovnykh nakazaniyakh [The Concept of Criminal Law Policy of the Russian Federation on Criminal Penalties]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]*, 2015, no. 3, p. 129–135.
10. Shchitov N. G. Problema uzhestocheniya nakazaniya za ugolovnyye prestupleniya v SSHA: interpretatsiya s pozitsiy teorii nakazaniya E. Dyurkgeyma [The problem of tougher punishment for criminal offenses in the USA: interpretation from the point of view of E. Durkheim's theory of punishment]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research]*, 2013, no. 3, p. 95–104.
11. Brosens, D., De Donder, L., Smetcoren, An-S., Dury, S. Exploring Education Opportunities for Foreign National Prisoners in Europe. *Journal of Educational Research*, 2019, vol. 64, iss. 2, p. 389–407.
12. Flore C., Brosens D., Vandeveldel S., De Donder L. Foreign national prisoners in flanders (Belgium): Motivations and barriers to participation in prison programmes. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2018, vol. 25, p. 171–188.
13. Gallez E. Foreigners and Refugees Behind Bars: How Flemish Prisons Tackle Linguistic Barriers. *The European Legacy*, 2018, vol. 23, iss. 7–8, p. 738–756.
14. Gibson-Light M., Seim J. Punishing Fieldwork: Penal Domination and Prison Ethnography. *Journal of Contemporary Ethnography*, 2020, vol. 49, iss. 5, p. 666–690.
15. Liebling A., Johnsen B., Schmidt B. E., Rokkan T., Beyens K., Boone M., Kox M., Vanhouche An-S. Where Two 'Exceptional' Prison Cultures Meet: Negotiating Order in a Transnational Prison. *British Journal of Criminology*, 2021, vol. 61, iss. 3, p. 41–60.
16. Urbanek A. Reactions of Prison Staff to the Needs of Culturally Different Convicts. *Social Sciences*, 2021, vol. 10, iss. 1, p. 1–14.

Сведения об авторе

Павел Владимирович Тепляшин: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, доктор юридических наук, доцент.
E-mail: pavlushat@mail.ru

Information about the author

Pavel V. Teplyashin: Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Krasnoyarsk, Russia), professor of the Chair of Penal Law and Criminology, doctor of law, associate professor.
E-mail: pavlushat@mail.ru